

Юй Шанчжи с утра принял троих больных и продал две порции пилюль. Всего он выручил семьдесят вэней, но и этой суммы вполне хватало, чтобы как следует угостить семью прямо на рынке. Он сперва окликнул пожилую чету, торговавшую вонтонами, заказал пять порций, договорившись, что посуду потом вернёт. А когда продавец лепёшек вновь вернулся, он купил у него сразу шесть штук. Вэнь Ецай одними вонтонами не наедаясь, поэтому лишняя лепёшка предназначалась именно ему.

Рядом Вэнь-эрню, обхватив обеими руками чашку, смачно прихлёбывала бульон, а потом, выдержав паузу, как бы между прочим обронила, что, когда они гуляли по рядам, она видела ларёк с жареными рисовыми лепёшками с начинкой, там были и с красной фасолью, и с белым сахаром.

Вэнь Ецай сперва нарочно сделал вид, будто не расслышал, даже глянул на Юй Шанчжи, намекая тому глазами, мол, не трать деньги. Но когда Вэнь-эрню не утерпела и заговорила об этом во второй раз, он уже не стал мешать.

Юй Шанчжи положил пару монет ей на ладонь и сказал:

— В следующий раз, если чего-то сильно захочется, просто скажи. Беги, купи несколько штук.

Вэнь-эрню, сияя от радости, унеслась за угощением, не забыв при этом схватить за руку Кон Майя. У неё в кармане ещё оставалось семь-восемь вэней, накопленных ранее на карманные расходы, она давно планировала купить себе две новые ленточки для волос и теперь хотела взять одну и для Майя. Цвета уже выбрала: две - ярко-розовые, две - нежно-зелёные.

Вэнь-санья же вёл себя по-взрослому, аккуратно вытер руки, откусил крошечный кусочек лепёшки, потом сделал глоток бульона с вонтонами, после чего съел один маленький пельмень. Юй Шанчжи наблюдал за ним с улыбкой и подумал, что когда мальчик вырастет, наверняка будет ярым сторонником здорового образа жизни.

Скоро девочки вернулись с жареными рисовыми лепёшками - три были с начинкой из красной фасоли, три — с белым сахаром. Масло на промасленной бумаге, в которую они были завернуты, ещё не успело остыть, и Юй Шанчжи, попробовав кусочек, почувствовал, что ему слишком жирно, и есть больше не стал. Зато Вэнь Ецай, по всему видно, был в полном восторге от этого вкуса и съел по одной лепёшке каждого вида.

После полудня у их прилавка вновь стало оживлённо. Подходили не только жители деревни Селю, но и люди из других деревень. Не все между собой были знакомы, но объединяло их одно - они прежде уже наведывались в Селю на приём к Юй Шанчжи. Сегодня, случайно повстречав его здесь, каждый непременно останавливался, чтобы перекинуться парой слов с Юй Шанчжи и Вэнь Ецаем, а заодно и прикупить что-нибудь.

— Этот напиток из кислой сливы так аппетитно выглядит! Налейте мне один бамбуковый стаканчик.

— Можно налить в мою собственную фляжку?

— Эй, доктор Юй, братец Вэнь, у вас тут ещё и соломенные сандалии продаются? Самодельные? Выглядят на славу! А сколько стоят?

— Эти ваши полынные палочки я ещё в прошлый раз у вас в деревне взял, когда приходил за лекарством. Отличная штука. Дайте мне ещё шесть... Тьфу, что мелочиться, давайте уж десять, раз пришёл.

Вэнь Ецай с младшими братом и сестрой, да ещё с Юй Шанчжи и Кон Майя, всем скопом закрутились в делах: кто-то наливал сливовый напиток, кто-то отсчитывал полынные палочки, кто-то считал стоимость покупки, кто-то принимал оплату.

В это время один мужчина ткнул пальцем в аптечку и спросил:

— Доктор Юй, вы сегодня тоже принимаете? У меня последнее время с желудком что-то неладное, всё время поносит... может, есть какое лекарство, чтобы попробовать?

Не успел договорить, как стоящий рядом супруг с силой пнул его по ноге:

— Я тут стою, тофу покупаю, а ты несёшь что попало про понос на весь рынок!

Вокруг немедленно раздался дружный смех.

Юй Шанчжи, однако, и не подумал сердиться. Он не взял с мужчины плату за приём - после пары наводящих вопросов выяснилось, что тот летом перебрал с холодной сырой водой, вот и расстроил себе живот. Юй Шанчжи просто посоветовал вскипятить дважды отвар из чеснока и попить, а заодно несколько дней пощадить желудок и всё пройдёт.

Тот самый мужчина, что продавал соевый соус, слышал краем уха, как один, второй, третий посетитель в очереди нахваливают доктора Юя — кто говорил, что в уезде почти десять лян серебра потратил и толку не добился, а этот молодой доктор парой игл да тремя отварами всё вылечил; кто-то ещё вспоминал, как хронический недуг не поддавался ничему, а тут прямо чудо.

Всё это он слушал внимательно, и наконец твёрдо решил: этот молодой врач точно не простой, а скрытый талант. И, не откладывая, потянул за собой жену пойти на приём

Молодая женщина залилась краской: не то чтобы она не хотела лечиться, просто недуг у неё деликатный, неловко говорить о таком при посторонних, да ещё и перед мужчиной, пусть он и врач! Но случай был редкий: если упустить, потом специально идти в деревню Селю к этому доктору, то и далеко, и время упустишь. Раздумывая, она всё же с опущенной головой прошла вперёд.

Юй Шанчжи сразу заметил её смущение и, заподозрив, что речь может идти о женских недомоганиях, которые не станешь обсуждать прилюдно, ничего не спрашивая, взялся за пульс. Пульс был тонкий и слабый, с явными признаками застоя холода и нехватки крови.

Юй Шанчжи задумчиво опустил взгляд, после чего подозвал Кон Майю и негромко дал ей несколько указаний. Девочка внимательно выслушала, кивнула, а затем подошла к молодой женщине, взяла её за руку и тихо сказала:

— Сестра, пойдёмте со мной.

Та, немного растерявшись, позволила увлечь себя за угол. Вернулась она спустя некоторое время и, судя по выражению лица, выглядела куда спокойнее. Кто бы мог подумать - эта девчушка, едва достающая ей до пояса, оказалась ученицей доктора. Хотя и мала ростом, но ведь девочка, а потому говорить с ней о таких вещах было куда проще и не так стыдно.

Юй Шанчжи наклонился, и Кон Майя тихо передала ему услышанное. Как он и предполагал, у этой молодой женщины вот уже больше полугода месячные приходили лишь раз в два-три месяца, и каждый раз сопровождалась такой болью, что она не могла даже встать с постели.

— Этот недуг требует тщательной и кропотливой корректировки, — спокойно произнёс Юй Шанчжи. — Иначе с зачатием могут быть трудности.

Услышав это, молодая пара заметно занервничала. Муж, торговец соевым соусом, с тревогой спросил:

— Ланчжун, а это... это вообще лечится?

Юй Шанчжи кивнул Кон Майе, велел ей готовить бумагу для рецепта, а сам повернулся к супругам:

— Если правильно и вовремя принимать лекарство, соблюдать режим и избегать переутомления, — спокойно сказал он, — то, конечно, шансы есть.

Он говорил размеренно, сдержанно, не преувеличивая и не пугая попусту.

— Просто у неё изначально холодный тип телосложения, да ещё и истощение крови и ци — это результат многолетнего перенапряжения. Одной-двумя порциями лекарства тут не обойтись. Нужно принимать регулярно, месяц за месяцем, тогда будет толк.

Мужчина снова с надеждой спросил:

— А если всё наладить, получится ли завести ребёночка?

Юй Шанчжи знал, что для крестьянских семей важнее всего как раз эти простые, но коренные вещи как продолжение рода, ведь в народе издавна говорили: «Из трёх видов непочтительности самый тяжкий — не оставить потомства».

— Вполне возможно, — мягко ответил он, — но спешить в таких делах не стоит.

Мужчина уловил скрытый смысл в интонации Юй Шанчжи и поспешил поддакнуть:

— Конечно, конечно, всё понемногу.

Помимо отвара для регулирования цикла, у Юй Шанчжи имелись и готовые пилюли Байфэн, и он немного продал супругам. Проводив их, он вдруг заметил слева маленькую задранныю кверху головку — кто-то с интересом заглядывал на него.

Когда их взгляды встретились, Вэнь-эрню, подперев подбородок, нахмурилась и спросила:

— Брат Юй, а что такое "юэшыр"?* Майя только что сказала, что у каждой девушки оно бывает, но почему у меня ещё нет?

(ПП: буквально «лунные дела», эвфемизм для обозначения менструации)

Юй Шанчжи невольно замер. Хотя Вэнь-эрню и правда уже была почти в том возрасте, когда начинается первое месячное кровотечение, обсуждать такое прилюдно всё же не стоило. Пусть он сам ничего предосудительного в этом не видел, не факт, что посторонние поймут правильно.

В итоге он только сказал:

— Об этом поговорим дома.

Вэнь-эрню кивнула с непонимающим видом, задумалась, а потом решила пойти расспросить Кон Майя. Но Кон Майя была младше самой Вэнь-эрню и, хотя училась медицине, в этих вопросах знала лишь самую малость. В результате два маленьких «знатока» так и не пришли к ясному выводу и договорились, что разузнают всё подробнее у Юй Шанчжи после того, как свернут лавку.

После краткой суеты к вечеру поток людей на рынке заметно поредел. С наступлением часа Шэнь (с 15:00 до 17:00) торговцы один за другим стали сворачивать лавки. У семьи Чжуанцзы тофу давно распродан, ведь такой товар после полудня уже теряет свежесть. Но поскольку им хотелось побродить по ярмарке, лавку и привязанного у телеги осла они оставили под присмотр Юй Шанчжи и Вэнь Ецая.

Теперь, когда время подошло, каждый занялся своими вещами. Вэнь Ецай воспользовался

случаем и отправил Вэнь-эрню купить большую чашку соевого соуса. В такую жару вряд ли захочется готовить, так что дома достаточно будет нарезать в огороде огурцов и макнуть их в соус, и вот тебе готовая закуска.

Продавец соуса щедро добавил ложку сверху, доверху наполнив чашку. Вэнь-эрню накрыла её чистой тканью и аккуратно поставила в бамбуковую корзину. Семья Чжуанцзы как раз запрягла осла, и, как приехали они утром все вместе, так теперь и уезжали тоже вместе. Проходя мимо лавки с соусом, они перекинулись с хозяином парой слов и условились встретиться завтра, чтобы снова торговать бок о бок.

На обратном пути осёл семьи Чжуанцзы оказался проворнее их желтого вола, так что повозка Вэнь отстала позади. Но спешить было некуда, и Вэнь Ецай не стал подгонять животное. Повозка медленно покачивалась, убаюкивая троих малышей, которые в конце концов задремали. Когда Юй Шанчжи обернулся, он увидел, как Вэнь-эрню привалилась к бамбуковой корзине, а Кон Майя задремала, опершись щекой на её плечо. С другой стороны сидел Вэнь-санья, тоже прислонившийся к сестре. В повседневной суете Вэнь-эрню казалась непоседливой, взбалмошной девчонкой, но в такие моменты в ней и впрямь чувствуется старшинство.

Юй Шанчжи легонько похлопал Вэнь Ецай по плечу, давая знак обернуться. Тот тоже взглянул назад, и оба безмолвно улыбнулись.

Домой все вернулись изрядно уставшие. Кое-как проглотили ужин на скорую руку, после чего покормили Давана, Эрвана и птицу во дворе. Час уже был поздний. Юй Шанчжи дождался, пока Вэнь-санья допьёт лекарство и прополощет рот, а затем вынес и вылил гущу от отвара. Пока он прибирался, Вэнь Ецай уже успел нагреть воду для умывания. Оба, лишь попав под горячий пар, начали зевать один за другим - усталость брала своё. Впервые они, не затеяв лишних разговоров, быстро обмылись, слили воду и поспешно отправились спать.

На следующее утро Вэнь-санья не смог проснуться вовремя. К счастью, болен он не был, просто вымотался за вчерашний день. За всю жизнь он ни разу ещё не бывал на ярмарке, тем более чтобы провести там целый день. Новизна — это, конечно, радость, и весело было по-настоящему, но и тело напомнило о себе.

Юй Шанчжи велел ему сегодня спокойно отдохнуть дома, а Вэнь Ецай зашёл к соседям, в дом семьи Сюй, и попросил Су Цуйфэнь к обеду заглянуть к младшему брату с чашкой еды.

Когда они снова выехали, на повозке уже сидели четверо. Вэнь-эрню вчера вечером получила от Юй Шанчжи разъяснение и теперь понимала, что такое месячные и первая менструация. В результате сегодня ей было как-то не по себе: как ни сядет, везде неудобно, всё время тревожилась, что вдруг вот-вот польётся кровь рекой.

Увидев её хмурый и напряжённый вид, Кон Майя взяла пучок лисохвоста и снова стала учить её плести собачку. Вэнь-эрню с трудом освоила технику, но тут её внезапно осенила идея: а не добавить ли игрушке ещё несколько хвостов? Один... два... три...

В конце концов она принесла получившееся произведение показать Юй Шанчжи и Вэнь Ецаю. Вэнь Ецай, взглянув на это нечто, сразу сморщился, будто увидел неведомого зверя.

— Это ещё что за нечисть?

Юй Шанчжи молча пересчитал количество хвостов и предположил, возможно, не слишком реалистично:

— Это... случаем не лис-оборотень с девятью хвостами?

Вэнь-эрню воскликнула, будто нашла родственную душу, и с торжественным видом вручила Юй Шанчжи сплетённую из лисохвоста девятихвостую лисичку. Юй Шанчжи принял подарок с серьёзным видом и пообещал, что дома обязательно поставит её на подоконник в спальне.

В бамбуковой корзинке прибавилась ещё одна «лисица-собака» с девятью хвостами, а торговля в этот день оказалась куда веселее, чем накануне. Видно, многие, кто вчера купил полынные палочки, опробовали их дома и остались довольны, потому сегодня пришли не только сами, но и привели сельчан или попросили захватить им ещё. Если вчера в основном брали по две-четыре штуки, то сегодня уже десятками, так что запасы в двести палочек таяли на глазах. Что уж говорить о напитке из кислой сливы, который и так был популярнее полынных палочек: до полудня осталась самая малость. Три пары соломенных сандалий, оставшиеся у Кон Майи после вчерашней торговли, тоже ушли быстро - один человек выторговал цену в восемь вэнь за пару и купил сразу все.

— Гляди-ка, — усмехнулся Вэнь Ецай, глядя на полупустую корзину, — знали бы, что такой спрос, взяли бы с собой все оставшиеся дома полынные палочки!

Он смотрел на глиняную копилку, в которой уже позвякивали монеты, и улыбался во весь рот.

Юй Шанчжи, прикинув всё, сказал:

— Раз так, то сегодня вечером пораньше вернёмся и накрутим побольше полынных палочек на завтра, для последнего дня рынка.

За три дня большого рынка семья Вэнь продала семьсот полынных палочек, выручив чуть больше одного ляна, около пятисот порций напитка из кислой сливы, что принесло ещё два с половиной ляна, а сам Юй Шанчжи за приём больных и продажу лекарств получил примерно пятьсот пятьдесят вэнь. Всего набралось на четыре ляна серебра.

Хотя раньше Вэнь Ецай ходил в горы за дичью и тоже мог за это время заработать такую сумму, но с таким спокойствием, как на этом рынке, дело ещё никогда не шло. Напиток из кислой сливы варится просто — брось всё в котёл и вари, а крутить полынные палочки тоже не в тягость: домочадцы уж давно набили руку, сидят во дворе под вечер, болтают и отдыхают, за

полчаса вся работа спорится.

А ведь есть семьи, что и за полгода не наскребут четыре ляна. Так что хоть обещанная прогулка всей семьёй на третий день и не состоялась, так как Вэнь-санья всё ещё не оправился и не смог пойти, но настроение у всей семьи было приподнятое.

Перед отъездом Вэнь Ецай пополнил запасы дома: воспользовался тем, что на прилавках осталось немного товара, и накупил всего, чего только не хватало, даже таких вещей, что в другое время показались бы не особо нужными. Поторговавшись как следует, он вернулся с полными руками покупок.

С тех пор на подоконнике в спальне Юй Шанчжи и Вэнь Ецай появилось новое украшение: грубоватая фарфоровая ваза с полевыми цветами, сорванными во время вылазок, а рядом с ней плетёная из бамбука корзиночка с ладонь, в которой лежала начинающая желтеть и высыхать лисичка, сплетённая из травы, а ещё два кольца с кроличьими ушками.

В начале шестого месяца у семьи Вэнь был праздник — установка конька на крыше нового дома. Плотник Чжан с самого утра пригнал повозку и привёз с собой балку, перевязанную красной тканью, а также сундук из вяза.

В такой день, как установка конька, плотник, вырезавший балку, непременно становился почётным гостем хозяев, и именно он отвечал за то, чтобы вслух произнести благопожелания в момент возведения. А поскольку хозяином был Юй Шанчжи, плотник Чжан считал, что и на него попадет часть славы.

В деревнях, как водится, заказывают вырезанные вручную сундуки в основном как часть приданого для дочерей и геров. Так что как только жители деревни Селю услышали, что семья Вэнь заказала такой сундук, сразу поняли — начинают собирать приданое для Вэнь-эрню. В этом возрасте уже вполне можно было свататься, и хотя все знали, что семьи Вэнь и Сюй тесно общаются, но если официально ничего не объявлено, значит, у остальных ещё есть шанс. Тем более что Вэнь-эрню унаследовала хорошую внешность от Цяо Мэй, и с первого взгляда было ясно, что вырастет настоящая красавица.

Вот только с таким братом, как Вэнь Ецай, наверняка гордым и придиричивым, кто знает, не пожалеет ли он в конце концов выдавать сестру замуж, вдруг ещё и решит взять к себе в дом ее мужа как зятя-чжусюя?

Пока одни так размышляли, а другим уже не терпелось отправить сватов пораньше, чтобы занять очередь, наступил благоприятный час для установки конька. Приглашённые из деревни мужчины с удачной датой рождения уже стояли наготове во дворе, по четверо с каждой стороны, взяли за верёвки, прикрепленные к балке, и, выкрикивая слаженные команды, взобрались по лестницам.

Плотник Чжан встал в центр и во весь голос провозгласил:

— Сегодня ясный день — ставим балку! Хозяин дома возводит добротный дом! Дом построен у устья дракона, все вместе, слаженно, поднимаем балку! Один шаг — и чин при дворе, два шага — и две феникса к солнцу летят... Десять шагов — и балка поднята, пусть благополучие и достаток будут с вами на тысячи лет!

Плотники в подобных речах собаку съели и наизусть знают сотню таких присказок. Хотя в действительности у семьи Вэнь сегодня надстраивалась не главная комната, а всего лишь восточное крыло, в глазах плотника Чжана Юй Шанчжи уже считался важной персоной, так что он и подобрал для случая самые звучные слова.

Но всё же день был добрый, и никто не стал придирааться. Ху Дашань, не отрывая взгляда, внимательно следил за тем, как рабочие на крыше укладывают балку: какая сторона выше, какая ниже - всё это имеет значение. Когда балку установили, красную ткань с неё снимать не стали. По обычаю её положено развязывать лишь в день новоселья, чтобы привлечь удачу.

По завершении церемонии во дворе семья Вэнь накрыла столы. По обычаю угощали всех мастеров, кто строил дом, кто вырезал балку, и тех, кто поднимал её на крышу. Во дворе плечо к плечу, расселось человек десять — ели мясо, черпали рис, пили и вино, и охлаждённый напиток из кислой сливы. По размаху пиршество ничем не уступало свадьбе или похоронам.

Во время поднятия балки по обычаю бросают какие-нибудь продукты на счастье, чаще всего арахис и финики, которые также пропадают, когда падают на землю, но Вэнь-эрню с Кон Майей собрали их и отнесли за ворота, чтобы раздать малышне, которая собралась снаружи. Арахис можно очистить и есть, финики сполоснуть и тоже не пропадут.

Через несколько дней после установки балки крышу полностью закончили. Три брата из семьи Ху были людьми честными и добросовестными: не только помогли с постройкой дома, но и сложили свинарник и выложили новую глинобитную лежанку-кан в доме. Остаткам дерева и замешанной жёлтой глине они тоже не дали пропасть - заодно подлатали забор и во внутреннем, и в заднем дворе.

Когда пришло время рассчитываться, Юй Шанчжи хотел выдать каждому на десять вэнь больше, но никто из них не согласился взять. По их словам, эти дни, пока они работали у семьи Вэнь, кормили их лучше, чем дома, а плату дали по чести, как можно после этого ещё и наживаться на хозяевах?

Когда новая лежанка полностью просохла, а на это ушло дней пять, Вэнь-эрню официально переехала из западного крыла дома. Теперь у обоих детей были отдельные комнаты. Юй Шанчжи разрешил каждому обустраивать своё жилище на свой вкус, как нравится, так и украшайте. Вэнь-санья повесил на стену свои собственноручно написанные иероглифы, приклеив их клейстером в качестве украшения. А Вэнь-эрню осторожно выбрала из своих обрезков ткани самый красивый лоскут, ровно обрезала края и прибила его у изголовья кровати, чтобы не сыпалась пыль.

С завершением строительства в новом доме и с наступлением жары, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай

наконец выкроили время подняться в горы собирать первую в этом году летнюю поросль диких ягод годжи.

Помимо самих ягод Юй Шанчжи собирался нарезать и немного ветвей годжи - хотел попробовать укоренить их на выделенном Вэнь Ецаем участке лекарственного поля. В отличие от прочих лекарственных трав, которые высаживают после сбора осенних семян, годжи можно размножать отводками или черенками весной, летом и осенью. Укоренённый черенок уже через год приносит плоды, а через два-три года выходит на пик плодоношения.

Если выяснится, что дикие годжи с горы Фуху действительно хорошего качества, Юй Шанчжи был уверен, что сможет пересадить их на своё лекарственное поле. А годжи - вещь дорогая и очень востребованная. Если удастся наладить его выращивание, в ближайшие годы это принесёт дому стабильный и немалый доход.

Летом лишь ранним утром можно рассчитывать на короткий промежуток времени, когда жара ещё не в полной силе, однако супругам всё же пришлось тщательно подготовиться: они насыпали желтую серу на обувь, на штанины, а также на лапы Давана и Эрвана и только после этого осмелились углубиться в горы.

Дикие годжи, по словам Вэнь Ецай, росли в глубине горы Фуху, прямо возле обрыва. Каждый раз, подходя к нему, он чувствовал, как слабеют ноги, но стоило лишь взглянуть вниз с края утёса и перед глазами открывалась поразительно красивая панорама.

Они с Юй Шанчжи уже не впервые вместе поднимались в гору, и теперь даже сам Юй Шанчжи начал запоминать многие тропы. Оба держали в руках длинные бамбуковые жерди, раздвигая ими кусты и траву, помогая друг другу преодолевать особенно трудные участки пути. Всякий раз, когда встречались целебные травы, Юй Шанчжи останавливался, чтобы их выкопать. Вэнь Ецай за всё это время тоже немало подучился. Хотя он копал немного медленнее, зато старался максимально сохранить целостность и товарный вид каждого растения.

А Даван с Эрваном, не получив команды от хозяина, не отступали ни на шаг. Только их уши и носы неустанно работали, чутко улавливая в лесной тиши малейшие признаки движения.

Помимо лекарственных трав, летом в горах начинало поспевать множество диких ягод и плодов. Вэнь Ецай, полагаясь на память, нашёл кусты дикого элеагнуса, в деревне его называли козьей ягодой. В это время года плоды уже успели полностью созреть, кое-где были поклеваны птицами, но целых и невредимых ягод оставалось всё же больше.

— Попробуй, — сказал он.

Он быстро сорвал пригоршню, вытер ягоды чистым носовым платком и поделился с Юй Шанчжи. Из элеагнуса можно было варить сироп, настолько сладкими были эти ягоды. Юй Шанчжи попробовал несколько и согласился, что вкус действительно хорош.

У его ног Даван и Эрван подняли головы, требовательно глядя на хозяина. Он рассмеялся и бросил им по яголке в пасть. Но псы проглотили ягоды так же небрежно, как Чжу Бацзе ел женьшень — не разжевали, не почувствовали вкуса, а сразу целиком проглотили, будто и не ели вовсе.

— Надо побольше собрать домой, — сказал Юй Шанчжи. — И листья тоже прихвати.

Вэнь Ецай, собиравший ягоды, обернулся на слова Юй Шанчжи:

— Листья тоже лекарственные?

Юй Шанчжи кивнул:

— Листья помогают при кашле и одышке, а плоды улучшают аппетит и останавливают понос.

Они набрали немало листьев и выстелили ими дно бамбуковой корзины, поверх высыпали алые, налитые соком ягоды, а сверху прикрыли всё чистой тряпицей, временно оставив корзину у дерева.

Чем выше они поднимались они в гору, тем холоднее становился воздух. Если у подножия горы в длинных рукавах и брюках было жарко до раздражения, то теперь температура стала как раз приятной.

Пройдя с час с лишним, они наконец добрались до места, где росли дикие ягоды годжи. Раздвинув ветви и листву, заслонявшие путь, они вдруг оказались перед открытым пространством. Взору предстали несколько взрослых кустов — стволы кривые, узловатые, каждый с характерным изгибом. Под тенью густой листвы алели обильные гроздья плодов, от одного взгляда на которые сердце наполнялось радостью.

— В этом году не так жарко, как в прошлом, — сказал Вэнь Ецай, — сейчас как раз самое время для сбора. Ты только погляди, какие ягоды, как тебе их вид?

Он подпрыгнул под одной из крон и пригнул нижнюю ветвь, с одного движения оборвав несколько плодов.

— Вид отменный, — кивнул Юй Шанчжи.

Одного взгляда ему хватило, чтобы понять: годжи, растущие здесь, настоящая дикорастущая ценность. В прошлой жизни, в его времени, нетронутые человеком леса и горы уже почти исчезли, и всё, что именовалось "дикорастущим", стоило вдвое дороже, хотя настоящего дикого среди того почти и не было. Он родился в семье Юй и повидал немало редкостей, но даже ему пришлось признать, что этот куст годжи по-настоящему редкий.

Услышав его слова, Вэнь Ецай засучил рукава, начал прикидывать, с какой стороны будет легче забраться на дерево.

— Об этом месте, пожалуй, во всей деревне знаю только я. Ещё немного и ягоды начнут перезревать и опадать. Верхние, до которых не дотянуться, пусть останутся птицам, а остальные давай все соберём и унесём с собой, чего добру зря пропадать.

Сказано-сделано: сперва они расстелили на земле большое полотнище, а затем Юй Шанчжи принялся собирать ягоды с нижних ветвей, а Вэнь Ецай с верхних.

Даже очень старая годжи не вырастает слишком высокой, но крона у неё пышная, раскидистая, словно зелёный шатёр, раскрытый над головами. Юй Шанчжи, подняв голову, заметил, что ветви, по которым ступал Вэнь Ецай, были достаточно толстые и прочные, казалось, никакой опасности не было. Успокоившись, он сосредоточился на том, чтобы обрывать ягоды, до которых можно дотянуться с земли.

Высушенные годжи похожи на изюм, но в свежем виде каждая ягода словно крошечный красный фонарик. Юй Шанчжи прикинул размер - когда высохнет, каждая будет почти с фалангу пальца взрослого. Если отнести такие на продажу в аптечную лавку в уезде, за лян вполне можно будет выручить сто вэней.

Собрав урожай с одного дерева, они перебрались к следующему. Попутно не забыли выбрать подходящие для черенкования веточки - отбирали боковые, свежие, без цветов и завязи, складывая их в пучки. Они намеревались, спустившись с горы, посадить их в грядки для лекарственных растений, чтобы испробовать выращивание дома.

Всего в этом месте росло пять кустов годжи, но едва они собрали ягоды с трёх, как принесённые корзины уже перестали вмещать урожай. Юй Шанчжи, потирая ноющее плечо, увёл запыхавшегося Вэня Ецай в тень под деревом и присел вместе с ним, чтобы немного перевести дух.

Вэнь Ецай хоть и устал, но не мог скрыть охватившего его возбуждения. Он зачерпнул пригоршню ягод и, внимательно разглядывая их, спросил:

— Когда высушим, ты их оставишь себе или понесёшь продавать?

— Оставим часть, — ответил Юй Шанчжи. — Годжи — вещь дорогая. В деревне мало кто может себе позволить их использовать, так что часть оставим для себя, на укрепление здоровья.

В деревне и без того многие даже заболев, не идут к лекарю. А из тех, кто идёт, большинство всё равно не решаются потратиться на лекарство. Юй Шанчжи привык, по мере возможности, подбирать им рецепты подешевле, иногда даже в ущерб силе действия. А уж такие дорогие травы, как годжи, позволить себе могли разве что те, у кого в доме водилось серебро и то, чаще всего только тогда, когда в семье ожидался ребёнок.

Юй Шанчжи, договорив, заметил, что на вытянутой руке Вэнь Ецай виднелись мелкие царапины. Он нахмурился и, не спрашивая, потянул его за руку поближе, чтобы разглядеть. Ничего спрашивать и не нужно было, и так ясно: все эти мелкие порезы остались от сучьев, коры и листьев, когда тот лазал по дереву.

— Болит? — спросил Юй Шанчжи. — Сейчас намажу мазью.

Вэнь Ецай отмахнулся:

— Ну что ты, зачем мазать? Ерунда, через пару дней и следа не останется, только липко потом будет.

Но Юй Шанчжи был непреклонен. Он взял флягу с водой, бережно промыл все ранки от пыли и грязи, а затем намазал на самые заметные ссадины прохладную мазь. Мазь не мешала двигаться, но предотвращала воспаление и занесение заразы, а ради этого стоило потрудиться.

Вэнь Ецай, признаться, сперва испугался, что тот, как всегда, устроит из мухи слона и перематает ему всю руку, как пельмень. Но, увидев, что Юй Шанчжи просто и аккуратно намазал немного целебного бальзама, сразу перестал возражать.

Не прошло и пары мгновений, как Даван и Эрван вдруг пришли в возбуждение. Они подбежали к Вэнь Ецаю и, повизгивая, стали тянуть его за подол. Только что было приникший к плечу Юй Шанчжи и уже начинавший клевать носом, он тут же встрепенулся и проснулся окончательно.

- Наверное, нашли какую-то дичь. Я пойду за ними, погляжу, — сказал Вэнь Ецай, уже следя за возбуждёнными псами.

Дикие кусты годжи росли почти у самой вершины Фуху, выше идти было уже некуда, дальше начинались опасные места, куда и сам Вэнь Ецай не рисковал соваться. Там могли водиться тигры, медведи и прочие крупные звери, с которыми и при оружии встречаться не хотелось. Хотя Юй Шанчжи и изучал особые снадобья, способные на время обездвижить хищника, на этот раз он прихватил с собой пузырёк с таким составом. Но всё равно идти на риск без нужды было глупо. Потому Вэнь Ецай пообещал, что дальше чем на пару ли вглубь леса не сунется, только по округе пройдёт.

Юй Шанчжи провожал его взглядом: крепкие плечи, лук за спиной, два пса — один по левую, другой по правую сторону. Когда тройца скрылась в гуще деревьев, он, не имея чем себя занять, сел под деревом и начал разбирать собранные ягоды годжи, выбирая из них мусор и поломанные веточки.

Ягоды предстояло продавать по высокой цене, поэтому надо, чтобы они выглядели соответственно. Он работал терпеливо, перебирая пригоршню за пригоршней, складывая чистые ягоды в одну сторону, мусор — в другую. Но время шло, солнце клонилось, а Вэнь Ецай всё не возвращался.

Юй Шанчжи, почуяв неладное, медленно выпрямился, отряхнул ладони от прилипших листьев и, взглядываясь в сторону, куда ушёл его супруг, замер. Горный ветер прошелся по листве, и трава зашелестела зловеще и пусто.

Он пытался успокоить себя, напоминая, что Вэнь Ецай — опытный охотник, и с ним пара намазанных усыпляющим снадобьем стрел, вряд ли он допустит что-то, что поставит его самого под удар. Но тревога внутри всё равно росла, крепла, скреблась изнутри, не давая покоя. Лето - самое беспокойное время в горах, когда зверьё особенно активно. Хотя в этих местах леса богаты и водой, и пищей, нападения на людей всё равно случались. И ведь не ради пропитания. Ходили слухи, что человеческое мясо зверям не по вкусу и не входит в их рацион. Убивают они не потому, что голодны.

Юй Шанчжи напряг слух, прислушиваясь к голосам гор. Слепота в прошлом научила его слышать даже то, что не уловит обычное ухо и вот сейчас это умение ему пригодилось. Затаив дыхание, он долго стоял неподвижно, отсеивал одно звучание от другого... Пока, наконец, не уловил будто бы из глубины леса донёсся лай. Едва слышный, приглушённый, но всё же отчётливый.

На горе Фуху нет бродячих псов. Этот лай мог исходить только от Давана и Эрвана.

Сердце на мгновение остановилось, а потом гулко бухнуло и тут же перешло на быстрый, тяжёлый ритм. Не раздумывая ни секунды, Юй Шанчжи быстро убрал в сумку разложенные ягоды, засунул во внутренний карман флакон с усыпляющим составом и вытащил из-под пояса короткий нож, который перед подъёмом в горы дал ему Вэнь Ецай. Изначально тот был предназначен для защиты от змей и прочей мелкой опасной живности, но лезвие у него было острое, как бритва. В случае чего это тоже оружие.

В глухом лесу, где ни души, оставленные вещи не стоили тревоги, никто не унесёт. Убедившись, что всё в порядке, Юй Шанчжи схватил с собой нужное и поспешил в сторону, откуда доносился лай.

А в это время, среди деревьев, Вэнь Ецай и впрямь столкнулся с неожиданным, правда, совсем не в том виде, в каком мог бы представить Юй Шанчжи. Всего в нескольких шагах от него Даван и Эрван стояли, затаив дыхание, в напряжённой готовности, а напротив них, тяжело дыша, выпрямившись над кустами, нависала массивная фигура - раненая медведица, преграждавшая путь к своему детёнышу.

История началась с пустяка. Они втроём, охотник и два пса, гнались за кроликом. Кролик петлял, не разбирая дороги, и, спасаясь, шмыгнул в кусты. Даван и Эрван помчались следом, без колебаний, с рёвом вломившись в чащу.

Но то, что они обнаружили по ту сторону, оказалось не добычей, а медвежонком. Он прятался в зарослях, прижавшись к земле. Через несколько шагов, затаившись в тени, сидела его мать. Едва завидев угрозу, медведица издала оглушительный рык. Хотя псы не причинили её детёнышу ни малейшего вреда, и сама она пока не бросалась в атаку, но было очевидно: только

тронь - ударит, и не раз. Достаточно одного взмаха лапы, и охотничьей собаке уже не встать.

Но главное, медведица была ранена. Вэнь Ецай тут же это заметил — одна из её передних лап кровоточила, оставляя на траве тёмные пятна. Может, с кем-то дралась, может, поранилась на скале. Но сейчас, несмотря на боль, она стояла, заслонив собой медвежонка, вся напрягшись от ярости и страха.

Защитить детёныша — инстинкт, перед которым не важны ни рана, ни страх. И если ситуация обострится, она нападёт.

В тот самый миг, когда Вэнь Ецай уже натянул лук, готовясь в любую секунду выпустить стрелу, раненая медведица, сделав всего пару шагов вперёд, вдруг резко рухнула на землю, словно кто-то подрубил ей лапы. Рядом с ней медвежонок взволнованно метался из стороны в сторону, издавая жалобные звуки, но ничем не мог помочь, в свои несколько месяцев он ещё не умел выживать самостоятельно, а уж тем более справиться с таким горем.

Вэнь Ецай выждал изрядно, не отводя глаз, пока не убедился, что медведица утратила способность двигаться. Лишь тогда он медленно подошёл поближе и склонился посмотреть. То, что он увидел, заставило его сдвинуть брови. На спине у медведицы зияла ужасно глубокая рана. В летнюю жару, оставленная без ухода, она загноилась, по краям уже пошло разложение, и над ней роились мухи, издавая неприятное жужжание.

Он не ожидал подобного. По его опыту, если медведица погибнет, а это, судя по виду, случится со дня на день, то и её медвежонок ждёт неминуемая смерть. Один в лесу, без защиты и навыков, он станет лёгкой добычей, быть может, следующей трапезой для тигра, обитающего в горных чащах. Медвежонок был слишком мал и слишком беспомощен, чтобы вызывать опасения, и, по правде говоря, как охотник, Вэнь Ецай не должен был бы терять голову из-за случайной дикой твари. Но стоя здесь, глядя, как зверёныш прижимается к матери, он невольно вспомнил о себе, о том, как остался сиротой, как цеплялся за жизнь.

Потому, когда Юй Шанчжи наконец добрался до места, ориентируясь на лай Давана и Эрвана, ему предстала поистине странная сцена: Вэнь Ецай стоял с суровым лицом, молча глядя на поверженную чёрную медведицу. Рядом сидел медвежонок, жмурясь и неотрывно сторожа тело матери. Псы стояли сзади, не двигаясь, словно тоже уловили в воздухе что-то, что не позволяло им нарушить тишину этой дикой скорби.

Юй Шанчжи долго стоял, молча вглядываясь в лежащего зверя, прежде чем осмелился заговорить. Голос его прозвучал сдержанно, но всё же с ноткой изумления:

— А-Е, ты что, убил медведя?

Но тут же осёкся. Он не заметил на теле зверя ни одной стрелы, ни одного следа, свидетельствующего о нападении со стороны Вэнь Ецай.

Вэнь Ецай вздрогнул, услышав голос, явно не ожидая, что кто-то подойдёт так близко. Но, обернувшись и увидев, что это Юй Шанчжи, сразу выдохнул с облегчением.

— Ты зачем пришёл?

Он поспешно подошёл к нему, заметив тревогу на лице мужа.

— Я ждал тебя долго, но ты не возвращался. Потом услышал лай Давана и Эрвана... Я испугался, что с тобой что-то случилось.

Вэнь Ецай отрицательно покачал головой и указал взглядом на поверженного зверя:

— Я уже готовился удирать, думал, придётся бороться за жизнь. А она, похоже, и без меня была на грани.

Он взял Юй Шанчжи за руку и повёл в обход, чтобы тот мог сам увидеть:

— Смотри, спина. Вот здесь.

Юй Шанчжи как лекарь быстрее уловил запах гнили и разложения, исходящий от раны. Его брови тут же сдвинулись, лицо слегка помрачнело.

— Похоже, эту рану оставил кто-то из других хищников? — пробормотал он, вглядываясь в изъязвлённую плоть.

— Почти наверняка, — подтвердил Вэнь Ецай. — У меня тоже такое ощущение. Я слышал, что у чёрных медведей почти нет врагов, но... иногда самцы нападают на самок, или они встречаются с тиграми.

Юй Шанчжи кивнул:

— Думаю, это дело тигра. След зубов слишком крупный и глубокий.

Он перевёл взгляд на медвежонка, который всё ещё жался к неподвижному телу матери, и, заметив, как замолчал Вэнь Ецай, вопросительно посмотрел на него. Тот в упор смотрел на зверей, и в его взгляде смешались решимость и колебание. Юй Шанчжи заметил эту перемену и, хоть Вэнь Ецай ничего не сказал, догадался, о чём тот думает. Он осторожно спросил:

— Ты хочешь её спасти?

Вэнь Ецай вздрогнул, словно пойманный с поличным. Его взгляд на миг дрогнул, будто он сам

не ожидал, что его мысли так легко прочтут.

— Да, — признал он с некоторым смущением. — Я правда об этом подумал... Ведь медвежонок не сможет выжить без матери. Они живут с ней больше года, и раньше этого он точно погибнет.

Юй Шанчжи выпрямился и, не раздумывая ни секунды, сказал твёрдо:

— Значит, спасём.

Он слегка усмехнулся, уголки губ мягко приподнялись:

— Я не ветеринар, конечно, но лечить раны - дело общее, хоть у зверей, хоть у людей.

Вэнь Ецай был уверен, что Юй Шанчжи станет его отговаривать, но не ожидал, что тот примет решение столь быстро и без колебаний.

— Но ведь это может быть опасно, — пробормотал он. — Мне действительно жаль медвежонка, но если из-за этого мы сами попадём в беду, разве это не будет слишком высокой ценой?

Медведица, казалось, действительно не имела больше сил, однако медвежонок вполне мог испугаться неожиданного появления людей — именно это и произошло с Вэнь Ецаем чуть ранее. Кто знает, не бросится ли она снова на защиту детёныша, охваченная инстинктом?

Юй Шанчжи слегка усмехнулся, достал из-за пазухи маленький фарфоровый пузырёк и сказал:

— Это не проблема. Главное придумать, как заставить медвежонка проглотить усыпляющее средство.

В этот раз, отправляясь в горы, он на всякий случай взял с собой немного ранее приготовленного лекарства, способного временно усыпить крупное животное. Не думал, что оно действительно пригодится. Хотя наконечники стрел были смазаны этим же снадобьем, стрелять по медведице сейчас было бы неразумно, рана могла бы ухудшить её состояние или довести до паники.

В ту эпоху не было ни шприцев, ни возможности соорудить самодельную духовую трубку с усыпляющей иглой. Вэнь Ецай долго ломал голову, пока, наконец, не вскинул голову с внезапной решимостью:

— Кажется, у меня есть идея... Только не знаю, сработает ли.

Предложенный им способ оказался тем, до чего Юй Шанчжи бы сам не додумался. Его супруг ушёл ненадолго в лес и вернулся с куском сот от диких пчел. От них исходил тягучий сладкий аромат, настолько густой, что не только медведю, даже человеку хотелось немедленно попробовать кусочек.

— Я срезал из дикого улья, — с сияющими от возбуждения глазами объяснил Вэнь Ецай, словно вручая сокровище. — Говорят же, что медведи особенно любят мёд?

Юй Шанчжи принял соты, не удержавшись от вопроса:

— Тебя пчёлы не ужалили?

Вэнь Ецай весело рассмеялся:

— За это можешь не волноваться. Я ещё голозадым пацаном умел выдёргивать пчелиные соты, и ни разу не промахнулся.

Юй Шанчжи кивнул. Они разломали соты на две части: одну забрать с собой домой, другую же приготовить как приманку, сбрызнув снадобьем. Это усыпляющее средство имело лёгкий привкус, но в густом меду он полностью терялся.

Затем они разрезали соты на мелкие кусочки и, взявшись за дело, метко забросили их туда, где лежали медведица и медвежонок. Приманка упала точно рядом с ними. Сами же они спрятались за большим валуном неподалёку, затаив дыхание, дожидаясь результата. Даже Даван с Эрваном улеглись на землю, не шевелясь, терпеливо, как настоящие охотники.

<http://bllate.org/book/13600/1205973>